

Юлиан Балашевич - польский агент на службе Третьего отделения

Научный руководитель – Борисенко Юрий Аркадьевич

Бабоша Иван Александрович

Студент (магистр)

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Исторический факультет, Кафедра истории южных и западных славян, Москва, Россия

E-mail: ivanbabosha@yandex.ru

Третье отделение Собственной Его Императорского Величества, высшая тайная полиция Российской империи, не только занималась внутривнутриполитическими мероприятиями, но и выполняла функции внешней разведки. В 1830-1860-е гг. главным противником Третьего отделения на заграничном направлении была польская политическая эмиграция, образовавшаяся после неудачного восстания 1830-1831 гг. в Царстве Польском. Для борьбы с «польскими выходцами» Третье отделение пользовалось услугами информаторов из среды самой эмиграции, которые решились предать своих соратников (самой частой причиной было тяжелое материальное положение) [5].

Юлиан Александр Балашевич (1831 - около 1876 гг. жизни), в отличие от большинства агентов-поляков, не был изначально повстанцем-эмигрантом. Выходец из бедной, мелкопоместной шляхты Виленской губернии, так и не получивший формального университетского образования, он всячески стремился «выбиться в люди». После неудачных попыток сделать карьеру военного, а затем и литератора, Балашевич с 1861 г. стал тайным агентом Третьего отделения, внедренным в круги польской эмиграции под личиной графа Альберта Потоцкого (польского полковника российской армии, в реальности умершего на Кавказе в 1847 г.), и оставался в этом статусе вплоть до своего разоблачения в 1875 г. [5].

Изучение этой фигуры представляется весьма актуальной в связи с двумя аспектами. Во-первых, его непринадлежность к кругу эмигрантов на момент рекрутирования в Третье отделение может служить интересным примером особенностей формирования национальной идентичности у польского населения Российской империи. Поляк, принадлежавший к политической эмиграции, в случае перехода на сторону «царизма» действительно становился предателем дела борьбы за независимость Польши. Однако можно ли квалифицировать как «предательство» службу российских подданных польского происхождения в учреждениях царской власти? Кем был Балашевич - ренегатом, верным слугой российской монархии или же простым авантюристом, стремившемся к материальной выгоде? На этот вопрос в литературе до сих пор нет однозначного ответа.

Во-вторых, Балашевич интересен как один из пионеров использования методов провокации в заграничной деятельности Третьего отделения, использование которых подразумевало непосредственное внедрение агента во враждебные организации и уничтожение их изнутри. До рубежа 1850-1860-х гг. российская тайная полиция базировала свои методы надзора на внешнем наблюдении и сборе слухов. В свою очередь, эпоха 1860-х гг. характеризовалась ростом общественного движения и оппозиционных настроений внутри общества (распространение нелегальных изданий и антиправительственных прокламаций, студенческие волнения и др.). В новых условиях «необходимо было не только фиксировать конкретные случаи, но и незамедлительно пресекать, выявлять «очаги» крамолы, инициаторов беспорядков» (Абакумов, 2019, с. 209).

Кроме того, в это же время активизировалась агитационная активность польской эмиграции в Царстве Польском и западных губерниях. Настроения польского населения стремительно радикализировались, в сложившейся обстановке возникла угроза нового поль-

ского восстания. В этих обстоятельствах саботирование планов «польских выходцев» было крайне важным для Третьего отделения. Старых методов работы, заключавшихся во внешнем наблюдении за противником, было уже недостаточно.

Лучше всего разницу в подходах между «старым» (т.е. сформированным при Николае I и Бенкендорфе) и «новым» (эпоха Александра II) поколениями агентуры Третьего отделения демонстрирует отрывок из письма Я.Н. Толстого руководству Третьего отделения от 18 сентября 1861 г. (представителя «старшего» поколения, непосредственного начальника Балашевича в Париже), в котором пожилой агент обозначил пункты расхождения с концепцией Балашевича:

«Казалось бы, что было бы полезнее, если бы господин Балашевич сообщался с польскими выходцами под предлогом археологических занятий как предмета ближе ему известного [Балашевич увлекался коллекционированием антиквариата и в дальнейшем открыл собственную антикварную лавку - И.Б.], и чтобы под видом ученого археолога он информировал обо всем, что делается в революционных комитетах и среди главных заправил эмиграции. До сих пор русское правительство не вмешивалось явно в движение польских демагогов, оно становилось как бы поверх их наглых поисков; агенты также вели себя осторожно, не выступая в качестве их сообщников, чего без опасения делать не следует» (Кухажевский, 2018, с. 283).

Вышеприведенный фрагмент явно демонстрирует, что используемый Балашевичем стандартный для современных спецслужб подход являлся весьма новаторским для Третьего отделения середины XIX в.

Биография и деятельность Ю. Балашевича получили определенное освещение как в польской, так и в советской и российской историографии. Однако отечественные историки интересовались им только в качестве ловкого царского агента - организатора провокаций против деятелей революционного движения [2, 3]. Кроме того, необходимо отметить, что несмотря на массу публикаций об отдельных агентурных мероприятиях, заграничная деятельность Третьего отделения в периода 1830-1870-х гг. так и не получила комплексного осмысления в трудах историков.

В свою очередь, для польских исследователей Балашевич преимущественно остается любопытным примером предателя, который оставил ценные, хотя и предвзятые донесения о внутривнутриполитической жизни польской эмиграции [4, 5]. Примечательно, что в настоящий момент опубликован только польский перевод обширных донесений Ю. Балашевича (большая часть написанных по-русски оригинальных отчетов в настоящий момент хранится в Ф.109 ГАРФ) [5].

Таким образом, личность Юлиана Балашевича демонстрирует, что история польских земель XIX в. включает в себя деятельность не только героических повстанцев и «предателей», но и куда более сложных персонажей с неоднозначными мотивами.

Источники и литература

- 1) Абакумов О. Ю. «Безопасность престола и спокойствие государства». Политическая полиция самодержавной России (1826-1866). М., 2019.
- 2) Дьяков В.А. Глазами царского агента // Прометей. Т. 7. М., 1969. С. 327–340.
- 3) Кантор Р.М. П.Л. Лавров и А.Ю. Балашевич-Потоцкий // П.Л. Лавров. Статьи, воспоминания, материалы. Петроград: Колосс, 1922. С. 486-511.
- 4) Кухажевский Я. От белого до красного царизма. Т. 3. Годы перелома. Романов, Пугачев или Пестель: Ч. 2. Третье отделение. М.: Издатель Степаненко, 2018.

- 5) Gerber R. Z dziejów prowokacji wśród emigracji polskiej w XIX wieku / Raporty szpiega. T. 1. Warszawa, 1973. S. 5–78.